

УДК 343.2

Раскаяние как психолого-юридическая категория, исключающая необходимость применения уголовного наказания

Сотников Дмитрий Валерьевич

Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин,

Институт гуманитарного образования

и информационных технологий,

105264, Россия, Москва, ул. Верхняя Первомайская, 53;

e-mail: sotnikovdmitriy@gmail.com

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» (analitikarodis@yandex.ru) <http://publishing-vak.ru/>

Аннотация

В статье рассматривается проблема освобождения лица от уголовного наказания в связи с раскаянием, каким образом механизм раскаяния влияет на психологию преступника после совершенного им преступления, насколько раскаяние возможно эффективнее наказания. Отдельно рассматривается отношение к наказанию и раскаянию известного русского писателя Ф.М. Достоевского в его романе «Преступление и наказание».

Ключевые слова

Раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, наказание.

Введение

Раскаяние – мучительное чувство, связанное с мыслью о том, что дело идёт не так, как оно в соответствии с совестью должно было бы идти. В

раскаянии содержится намерение в будущем следовать голосу совести.

Подлинное раскаяние в преступлении всегда сопровождается переживанием чувства стыда и совести за содеянное. Стыд – ощущение, что

вас разоблачили и опозорили в глазах окружающих. Совесть – этическая категория, выражающая высшую форму способности личности к моральному самоконтролю, сторону её самосознания.

Такие переживания, сопровождающие раскаяние, являются свидетельством осознания чувства долга и ответственности за свои действия, своё поведение перед потерпевшим, отдельными людьми, коллективом¹.

Роль раскаяния со времён священного писания имела достаточно весомое значение для правосудия. Так, в Книге Притчей Соломоновых, одним из предназначений которой являлось правосудие (Притч 1:3), указывается на то, что скрывающий свои преступления не будет иметь успеха, а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован (Притч 28:13).

Однако с развитием правовой науки и её обособлением от религиозных воззрений взгляды на возможность использования раскаяния в качестве критерия для освобождения лица от уголовной ответственности стали подвергаться критике.

1 Савкин А.В. Социально-правовое значение деятельного раскаяния в преступлении и его роль в предупреждении преступности // Российский следователь. – 2003. – № 10. – С. 21.

Сегодня, в мире атеистической (светской) юриспруденции, ставится вопрос о целесообразности освобождения от уголовной ответственности (наказания) в целом, вне зависимости от оснований такого освобождения.

Так, существует позиция, согласно которой требование отказа от назначения наказания есть требование отказа и от права как такового, что при отсутствии близких отношений между людьми не может не выглядеть лицемерно. Современная правовая жизнь не вписывается в рамки евангельских заповедей, но иного не может быть, поскольку право, являющееся средством принуждения людей к исполнению обязанностей, не может быть христианским, как не могут быть христианскими мир, культура и государство².

Наказание превыше всего

В отечественной теории уголовного права существуют мнения, отрицающие целесообразность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление.

2 Пермяков Ю.Е. Наказание как экзистенциальная ситуация // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2010. – № 1. – С. 75.

Даже несмотря на то, что учёные рассматривали нормы УК РСФСР 1960 г., концептуально их позиции остаются актуальными и в настоящее время. По мнению Б.Т. Разгильдиева, «институт освобождения от уголовной ответственности в определённой части противоречит природе уголовного законодательства. Что такое уголовная ответственность, не сопряжённая с наказанием? На этот счёт существует ряд определений, однако в принципе все они сводятся к следующему. Уголовная ответственность – это отрицательная социально-правовая оценка, даваемая судом от имени государства в форме обвинительного приговора лицу, совершившему преступление. Следовательно, предусматривая правовую возможность освобождения лиц от уголовной ответственности, государство тем самым отказывается от соответствующей оценки не нейтрального деяния, а такого, которое им же самим определено как общественно опасное. Конечно, общество может из гуманных соображений освободить лицо, совершившее преступление, от наказания, но нет сколько-нибудь серьёзных оснований для отказа от привлечения виновных лиц, совершивших преступление (пусть даже небольшой тяжести), к уголовной ответственно-

сти, то есть от государственного упрёка в адрес лица, обязанного воздерживаться от нарушения закона»³.

Данная позиция в рамках легистской правовой концепции имеет право на существование, так как она исходит из двойственной природы преступления, которая заключается в том, что с одной стороны имеется непосредственное преступное деяние как таковое, а с другой – лицо, его совершившее.

В то время как общество осуждает преступное деяние, лицо, совершившее его, может раскаяться и получить прощение, и суть осуждения от этого не изменится, так как виновное лицо в данном случае основным объектом осуждения не является.

Суд же осуждает именно человека, его деяние становится вторичным. Следовательно, прощение лица, виновного в совершении преступления, изменяет и отношение к совершенному им деянию, так как противоправные действия остаются не осуждёнными, норма права не реализованной.

По мнению легистов, глубокий смысл наказания состоит в отверже-

3 Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Виды уголовной ответственности // Вестник ТГУ. – 2008. – № 3. – С. 401.

нии обществом личности преступника, в локализации его от общества⁴.

Ю.Е. Пермяков указывает на то, что совершая преступление во имя какой-либо цели, человек выбирает не только блага, доступные благодаря злодеянию, но и новое бытие, в котором он может жить лишь при условии, если будет другим, свою прежнюю жизнь он утрачивает. Это уже – анонимная жизнь другого человека. И ничто в этом новом, сотворённом преступном мире он не может назвать своим. Его удел – ходить в нем инкогнито, неузнанным, ограничивая своё жизненное пространство общением с теми, кто не склонен его осуждать. Это и есть та локализация, которая в качестве необходимого следствия сопутствует преступлению. Но жить неистинной, чужой жизнью можно только с ощущением собственной смерти. Наказание изначально было призвано возвращать человека к жизни, не случайно его первые исторические формы символически воспроизводили смерть и рождение нового человека. Заключённый в темницу преступник пребывал в царстве мёртвых⁵.

4 Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Виды уголовной ответственности // Вестник ТГУ. – 2008. – № 3. – С. 77.

5 Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Виды уголовной ответственности // Вестник ТГУ. – 2008. – № 3. – С. 79.

Анализируя приведённую выше концепцию наказания, можно прийти к выводу о криминологической панацее тюремного заключения. Оно насыщено неким сакральным, метафизическим смыслом. Места для института освобождения от уголовной ответственности здесь явно нет.

Как говорил герой известного фильма: «Вор должен сидеть в тюрьме!». И действительно, не всякий раскаявшийся преступник может измениться без наказания. Достаточно привести в пример историю, рассказанную французским философом М. Монтенем:

«... Побывав недавно в Арманьяке и посетив поместье одного моего родственника, я видел там крестьянина, которого никто не называет иначе, как «вор». Он рассказывает о своей жизни следующее: родившись нищим и считая, что зарабатывать хлеб трудом своих рук – значит никогда не вырваться из нужды, он решил сделаться вором и всю молодость безнаказанно занимался этим своим ремеслом, чему немало способствовала его огромная телесная сила; он жал хлеб и срезал виноград на чужих участках, проделывая это где-нибудь вдалеке от своего дома

и перетаскивая на себе такое количество краденного, что никому и в голову не приходило, будто один человек способен унести на плечах все это в течение одной ночи; к тому же он старался распределять причиняемый им ущерб равномерно, так чтобы каждый в отдельности не испытывал слишком чувствительного урона. Сейчас он уже стар и для человека его сословия весьма состоятелен, чем обязан своему прошлому промыслу, в котором признается с полной откровенностью. Чтобы вымолить у Бога прощение за подобный способ наживы, он, по его словам, что ни день оказывает всевозможные благодеяния потомкам некогда обворованных им людей, дабы возместить свои былые хищения; и если он не успеет закончить эти расчёты (ибо наделить разом всех он не в силах), то возложит эту обязанность на наследников, принимая во внимание то зло, которое он причинил каждому и размеры которого известны лишь ему одному. Если судить по его рассказу, правдивому или лживому – безразлично, он сам смотрит на воровство как на дело весьма бесчестное и даже ненавидит его, однако менее, чем нужду; он раскаивается в нем как таковом, но раз уж оно было уравновешенно и воз-

мещено описанным образом, он в нем отнюдь не раскаивается»⁶.

Раскаяние – путь от наказания к самоисправлению

Диаметрально противоположную точку зрения высказывает Зер Ховард. Согласно ему, конфликт, насилие и жестокость – нормы уродливого тюремного мира⁷.

Тюремная атмосфера лишает человека – и предназначена для этого – чувства собственного достоинства. Это может привести к трём различным рефлексиям заключённого: 1) усугубить его беспомощность; 2) возбудить в нем бунт против режима; 3) заставить избрать лицемерную модель поведения⁸.

В тюрьме преступник теряет навыки ходить на работу, экономить деньги, откладывать на будущее, пла-

6 Монтень М. Опыты. Полное издание в одном томе. Пер. с фр. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. – С. 794-795.

7 Ховард Зер. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. / Общ. ред. Карнозовой Л.М. – М.: Судеб.-правовая реформа, 1998. – С. 45.

8 Ховард Зер. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. / Общ. ред. Карнозовой Л.М. – М.: Судеб.-правовая реформа, 1998. – С. 48.

тить по счетам и привыкает к деформации взаимоотношений, цель которых – подчинить себе окружающих⁹.

Концепция восстановительного правосудия постулирует, что основная задача правосудия заключается в восстановлении, акцент ставится на причинённый вред и обязательства по его возмещению. Потребность и права потерпевшего оказываются в центре внимания. Преступника побуждают осознать причинённый ущерб и свою ответственность за него¹⁰.

Деятельное раскаяние представляет собой субъективные переживания, которые приводят к переоценке виновным своего поведения, изменению его отрицательных установок на социально положительные или нейтральные¹¹.

И легисты, и сторонники освобождения от уголовной ответственности

(наказания) в качестве причины, толкающей лицо на совершение преступления, указывают одно и то же обстоятельство: деформация системы ценностных ориентаций.

Легисты считают, что единственный способ борьбы с такой деформацией – это наказание, и виновное лицо не может разрешить эту проблему самостоятельно без помощи государства. В данном случае следует говорить о ретрибутивизме. Ретрибутивизм (от англ. retribution – воздаяние) – учение о том, что наказание – это необходимое следствие преступления, восстановление справедливости, социальной гармонии. Преступление автоматически должно влечь за собой наказание, не может быть преступления без наказания, иначе будет попорана справедливость.

В Новое время крупнейшим выразителем ретрибутивизма в философии права был Кант. Свою концепцию наказания он построил на известном категорическом императиве. Этот моральный закон предполагает, что человек должен относиться «...к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда... только как к средству». Если мы наказываем преступника, чтобы обеспечить собственную безопасность –

9 Ховард Зер. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. / Общ. ред. Карнозовой Л.М. – М. : Судеб.-правовая реформа, 1998. – С. 49.

10 Ховард Зер. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. / Общ. ред. Карнозовой Л.М. – М. : Судеб.-правовая реформа, 1998. – С. 12.

11 Забарчук Е.Л. Принятие решения о деятельном раскаянии лицом, привлекаемым к уголовной ответственности // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 43.

мы видим в нем средство, а не цель, то есть поступаем безнравственно. Если мы стремимся перевоспитать, исправить преступника – мы нарушаем его право как разумного и свободного существа самому выбирать, каким ему быть. Это тоже безнравственно. «Наказание... никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу... ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как с средством достижения цели другого...». Морально оправданным будет видеть в преступнике самоценную цель, а не средство для достижения наших собственных целей. Но именно на этом-то и может быть основано наказание преступника¹².

Сторонники освобождения от уголовной ответственности (наказания) предполагают, что виновное лицо подлежит наказанию только тогда, когда оно не способно справиться с такой деформацией самостоятельно. В данном случае речь идёт об утилитаризме. Принуждение, даже осуществляемое государством на основе права, навлекает на людей страдания

и может быть оправдано, только если оно позволяет избежать ещё больших страданий. Наказания оправданы с утилитарной точки зрения в той мере, в какой они позволяют предотвращать преступления. Наказание может быть полезным, если имеет целью следствия преступления, т. е. ряд беспорядков, которые преступление может инициировать¹³.

Альтернативой уголовной репрессии для виновного является реальная возможность для него искупить свою вину за содеянное без претерпения режима наказания. Закон показывает таким лицам как бы более короткий путь искупления вины через позитивное посткриминальное поведение. В этих случаях центр тяжести переносится не на продолжающееся в течение срока наказания интенсивное воспитательно-трудовое воздействие, а на психологию раскаяния, которая побуждает к совершению действий, связанных с самовоспитанием¹⁴.

Таким образом, никем не оспаривается то, что лицо, система ценностных ориентаций которого восстановлена, не должно подлежать

12 Золоторев А.В. Смысл уголовного наказания в свете христианского вероучения // Юристъ-Правоведъ. – 2007. – № 3. – С. 111-116.

13 Там же.

14 Аликперов Х.Д., Зейналов М.А. Компромисс в борьбе с преступностью (Пособие для прокуроров). – М., 1999. – С. 11.

уголовному наказанию. Все разногласия сводятся к тому, способно ли лицо, совершившее преступления, преодолеть деформацию системы ценностных ориентаций самостоятельно, не будучи лишено или ограничено в свободе.

Механизм раскаяния

Приведённый выше отрывок из «Опытов» М. Монтеня показывает, что раскаяние обладает некоей двойственностью. Вор совершает положительные действия относительно потомков потерпевших от его преступного поведения, однако его система ценностных ориентаций находится по-прежнему в деформированном состоянии. Все дело в том, что Вор не испытывал субъективных переживаний, а лишь пытался по его словам «вымолить у Бога прощение за подобный способ наживы».

Таким образом, субъективные переживания о случившемся преступном деянии – важнейший критерий верификации раскаяния. При отсутствии данного критерия оно не подлежит учёту при назначении уголовного наказания, так как не является связанным чем-либо с уголовно-наказуемым деянием.

Вернёмся к М. Монтеню. В своих «Опытах» он определяет раскаяние через понятие порока.

Порок – не только то, что осуждается разумом и природой, но и то, что признается пороком в соответствии с представлениями людей, пусть даже ложными и ошибочными, если законы и обычаи подтверждают такую оценку.

Порок оставляет в душе раскаяние. Рассудок, успокаивая другие печали и горести, порождает горечь раскаяния, которая тяжелее всего, так как она точит нас¹⁵.

Раскаяние только тогда возьмёт верх над грехом, если перевесит его на чаше весов. Нет ни одного душевного качества, которое можно подделать с такой же лёгкостью, как благочестие, если образ жизни не согласуется с ним: сущность его не познаваема, таинственна. Внешние проявления – общепонятны и облечены в пышный наряд¹⁶.

Раскаяние не распространяется на те вещи, которые нам не по силам;

15 Монтень М. Опыты. Полное издание в одном томе. Пер. с фр. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. – С. 788-789.

16 Монтень М. Опыты. Полное издание в одном томе. Пер. с фр. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. – С. 796.

тут следует говорить только о сожалении¹⁷.

Таким образом, у М. Монтеня раскаяние не может быть без деятельности, а словосочетание «деятельное раскаяние» тавтологично. Раскаянию М. Монтень противопоставляет сожаление – то есть то состояние, при котором лицо, хотя и огорчено случившимся, но не принимает никаких мер по трансформации данного огорчения в реальные действия.

Подытоживая вышесказанное, нужно отметить, что раскаяние имеет своими критериями порок, стыд, совесть, внешние проявления.

Перечисление данных критериев будет неполным, если не упомянуть о вине. Вина – внутренняя самооценка человеком своих поступков¹⁸.

Порок будет являться объектом раскаяния – тем, по поводу чего возникают стыд и совесть. Стыд и совесть – формы субъективного переживания. Причинно-следственной связью между объектом и субъективными переживаниями выступает вина (как результат

критической самооценки). Внешние проявления – действия, направленные на нейтрализацию порока.

Теперь мы можем представить механизм самоисправления деформации системы ценностных ориентаций с помощью раскаяния:

1) Лицо, имеющее определённую шкалу ценностей, совершает преступление;

2) Лицо задумывается над содеянным и критически оценивает совершенное деяние (признает свою вину);

3) Осознание вины неотъемлемо влечёт осознание порочности;

4) Лицо переживает чувства совести и стыда;

5) Переживания подталкивают лицо к активным действиям по заглаживанию вреда, причинённого деянием в целях повышения самооценки, пострадавшей от чувства вины и нейтрализации тем самым стыда за свой поступок.

Неудовлетворённость, тревога и беспокойство останутся до тех пор, пока человек, осознав свою вину и ответственность, не начнёт решать свои проблемы сам путём умножения полноты своего бытия через искупление¹⁹.

17 Монтень М. Опыты. Полное издание в одном томе. Пер. с фр. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. – С. 797.

18 Савкин А.В. Социально-правовое значение деятельного раскаяния в преступлении и его роль в предупреждении преступности // Российский следователь. – 2003. – № 10. – С. 21.

19 Гришина Е.С. Вина как основание для созидания // Вологодские чтения. – 2004. – № 43-1. – С. 24.

Говоря о шкале ценностей, следует отметить, что в случае, если она имеет достаточно серьёзную деформацию, лицо не сможет испытать истинного раскаяния, так у него будет отсутствовать внутреннее признание своей вины, и все остальные чувства и действия не будут искренне. То есть не будет никаких гарантий, что это лицо в будущем не совершит повторно аналогичных преступлений.

Однако если деформация не сильная, например, лицо равнодушно относится к праву собственности, но при этом дорожит мнением о себе окружающих, то возможна косвенная связь между преступлением и чувством вины.

Так, развивая тему приведённого примера, если человек совершит воровство, и близкие, узнав об этом, отвернутся от него и перестанут общаться, то у него может возникнуть чувство вины, не связанное непосредственно с воровством, но связанное с тем, что его действия послужили причиной к прекращению общения. Далее, если с ним не общаются – значит он что-то неправильно сделал и стал из-за этого изгоем. Осознание своего «изгойства» даёт ощущение порочности. За порочность наступает чувство стыда. Побудительным мотивом за-

гладить свою вину становится желание вернуться в социум.

Е.Л. Забарчук указывает на то, что лицо, совершившее преступление, может прийти к выводу о деятельном раскаянии не только само, но и в результате оказания на него воздействия, которое не должно носить противозаконный характер²⁰.

Также существует позиция, заключающаяся в том, что задача государственного органа состоит в том, чтобы помочь жертве и преступнику выразить субъективную правду о событии, его причинах и последствиях и привести их к социально приемлемому договору²¹.

И отдельно о Достоевском

Хотелось бы отдельно упомянуть о позиции по этому поводу великого русского писателя Ф.М. Достоевского, которую он обозначил в своей книге «Преступление и наказание».

20 Забарчук Е.Л. Принятие решения о деятельном раскаянии лицом, привлекаемым к уголовной ответственности // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 43.

21 Сухарев Н.Д. Освобождение от уголовной ответственности и охранительная задача уголовного законодательства // Российский следователь. – 2005. – № 8. – С. 34.

Вряд ли её можно назвать научной, но определённого внимания она заслуживает, так как в ней очень точно оценены некоторые аспекты, свойственные психологии преступника.

Так, говоря о Раскольникове, который уже находился в остроге, но раскаяние пока не обрёл, Достоевский указывает на следующее:

«И хотя бы судьба послала ему раскаяние – жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы – ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своём преступлении.

По крайней мере, он мог бы злиться на свою глупость, как и злился он прежде на безобразные и глупейшие действия свои, которые довели его до острога. Но теперь, уже в остроге, на свободе, он вновь обсудил и обдумал все прежние свои поступки и совсем не нашёл их такими глупыми и безобразными, как казались они ему в то роковое время, прежде²².

Вот в чем одном признавал он своё преступление: только в том, что

не вынес его и сделал явку с повинною²³».

Какой вывод можно сделать из данного отрывка известного романа?

Раскольников во время следствия и суда испытывал беспокойство, связанное с неопределённостью, которая была вызвана его поступком – двойным убийством, которое он совершил в целях проверить свою теорию о том, что великий человек имеет право на преступление.

Своим преступлением Раскольников пытался разрешить для себя два вопроса: а) верна ли его теория о том, что есть люди, имеющие право на преступление; б) относится ли он сам к таким людям.

Из следствия и суда, а также последующего наказания он сделал для себя следующие выводы: а) его теория верна; б) он к таким людям не относится, так как не выдержал давления обстановки и совершил явку с повинной. «Конечно, в таком случае даже многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами её захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах. Но те люди вынесли свои шаги,

22 Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом. – М.: Дет. лит., 2002. – С. 633.

23 Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом. – М.: Дет. лит., 2002. – С. 634.

и потому они правы, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешать себе этот шаг»²⁴.

Как интересно наказание повлияло на Раскольникова: он сожалеет не о совершенном преступлении, а о том, что сделал явку с повинной. То есть до применения к нему наказания он был морально выше, чем после.

Корень этой проблемы лежит в том, что Раскольников не понимает своего преступления, а видит лишь ту ошибку в алгоритме своих действий, которая привела его на скамью подсудимых.

Система ценностных ориентаций Раскольникова искажена. Это искажение состоит в обесценивании человеческой жизни. Жизнь (в том числе и свою собственную) Раскольников ни во что не ставит, поэтому ему и не понятно, в связи с чем его, собственно, осудили. «Совесьь моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно!»²⁵

Однако осознание ценности жизни не до конца покинуло его.

«Он страдал также от мысли: зачем он тогда себя не убил? Зачем

он стоял тогда над рекой и предпочёл явку с повинною? Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его? Одолеет же Свидригайлов, боявшийся смерти?

Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уже и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь»²⁶.

Таким образом, для того чтобы у Раскольникова запустился механизм раскаяния, нужно было, чтобы кто-то либо что-то помогло восстановить ценность человеческой жизни, как бы вытянув её из его подсознания «на поверхность».

Этим помощником стала для Раскольникова любовь. «Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то другое»²⁷.

Достоевский не описывает дальнейшие изменения в Раскольни-

24 Там же.

25 Там же.

26 Там же.

27 Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом. – М.: Дет. лит., 2002. – С. 641.

кове, но позиция писателя по поводу раскаяния проявляется в романе достаточно чётко: наказание не имеет ценности без раскаяния преступника. А вот возможно ли раскаяние без наказания?

«Страдание принять и искупить себя им, вот что надо»²⁸, – говорит Раскольникову Соня Мармеладова.

Таким образом, по Достоевскому не может быть раскаяния без искупления, а формой искупления является страдание, испытываемое от наказания.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что раскаяние имеет более сильное воздействие на личность человека, нежели наказание. Наказание способно оказывать своё воздействие на личность только после постановления судом приговора, причём оно не имеет чёткого вектора воздействия, и непонятно, какой психологический эффект оно окажет на конкретного осуждённого, кроме того восстановление социальной справедливости через ограничение свободы предельно условно и символично, вследствие чего наказание становится бессмыс-

ленным. Раскаяние оказывает своё воздействие до вынесения приговора, имеет чёткий вектор, направленный на устранение первопричины преступления и его последствий, изменяет морально-психологическое состояние лица, а также приводит к фактическому восстановлению социальной справедливости в виде устранения последствий от содеянного.

Слабая сторона наказания заключается в том, что им не учитываются психологические изменения личности виновного, происходящие с ним в промежутке между совершением преступления и вынесением приговора, отрицается возможность осуждённого самостоятельно объективно определить себе меру ответственности.

Слабая сторона раскаяния состоит в том, что оно не применимо к лицам, не имеющим ценностной шкалы, либо к тем, у кого её деформация столь серьёзна, что они не испытывают чувство вины за содеянное, а также в том, что раскаяние является добровольным: можно подтолкнуть к раскаянию (направить), но нельзя обязать раскаться.

Следовательно, и наказание и раскаяние должны рассматриваться как части единой системы уголовной

28 Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом. – М.: Дет. лит., 2002. – С. 496.

ответственности, одна из которых – принудительная, а другая – добровольная; и суд в каждом конкретном случае должен определять, можно ли при привлечении лица к уголовной ответственности принимать во внимание его раскаяние (является ли оно

раскаянием как таковым или банальным сожалением), отпала ли с учётом этого раскаяния необходимость уголовного наказания лица, и если нет, то в какой степени допустимо данное лицо подвергать уголовному наказанию.

Библиография

1. Аликперов Х.Д., Зейналов М.А. Компромисс в борьбе с преступностью (Пособие для прокуроров). – М., 1999. – 84 с.
2. Гришина Е.С. Вина как основание для созидания // Вологдинские чтения. – 2004. – № 43-1. – С. 21-24.
3. Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Виды уголовной ответственности // Вестник ТГУ. – 2008. – № 3. – С. 15-19.
4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом. – М.: Дет. лит., 2002. – 653 с.
5. Забарчук Е.Л. Принятие решения о деятельном раскаянии лицом, привлекаемым к уголовной ответственности // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 42-48.
6. Золоторев А.В. Смысл уголовного наказания в свете христианского вероучения // Юрист-Правоведъ. – 2007. – № 3. – С. 111-116.
7. Монтень М. Опыты. Полное издание в одном томе. Пер. с фр. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 1149 с.
8. Пермяков Ю.Е. Наказание как экзистенциальная ситуация // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2010. – № 1. – С. 71-82.
9. Савкин А.В. Социально-правовое значение деятельного раскаяния в преступлении и его роль в предупреждении преступности // Российский следователь. – 2003. – № 10. – С. 20-26.

10. Сухарев Н.Д. Освобождение от уголовной ответственности и охранительная задача уголовного законодательства // Российский следователь. – 2005. – № 8. – С. 33-35.
11. Ховард Зер. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. / Общ. ред. Карнозовой Л.М. –М.: Судебно-правовая реформа, 1998. – 350 с.

Repentance as a psycho-legal category eliminating the need for a criminal penalty

Sotnikov Dmitrii Valer'evich

Postgraduate student of the department of criminal law,

The Institute for the Humanities and IT,

P.O. Box 105264, Verkhnyaya Pervomaiskaya str., No. 53, Moscow, Russia;

e-mail: sotnikovdmitriy@gmail.com

Abstract

The article discusses the problem of release of the person from criminal punishment in connection with repentance, how the mechanism of repentance influences psychology of the criminal after the crime committed as far as the repentance is more effective than punishment. The relation to punishment and repentance reflected separately in the novel "Crime and punishment" of a well – known Russian writer F.M. Dostoevsky. Article sets as the purpose to define a role of making decision of repentance on fair punishment of the crime. A scope of this article is the criminal law both in theoretical and in its practical aspect. The position expresses as a punishment and repentance should be considered as a part of uniform system of the criminal liability, one of which – compulsory, and another – voluntary; and the court in each case should define, whether it is possible at involvement of the person to take into consideration his repentance (whether it is repentance as that or banal regret), whether there is a need of criminal punishment of the person tak-

ing into account this repentance, in what degree this person is admissible to inflict to criminal punishment. According to Dostoevsky there cannot be a repentance without atonement, and a form of atonement is the suffering from punishment.

Keywords

Repentance, release from criminal liability, active repentance, punishment.

References

1. Alikperov, Kh. D., Zeinalov, M.A. (1999), *Compromise in a fight against crime (Guide for prosecutors)* [*Kompromiss v bor'be s prestupnost'yu (Posobie dlya prokurorov)*], Moscow, 84 p.
2. Dostoevskii, F.M. (2002), *Crime and Punishment: A Novel in six parts with an epilogue* [*Prestuplenie i nakazanie: Roman v shesti chastyakh s epilogom*], Det. lit., Moscow, 653 p.
3. Dvoretiskii, M. Yu., Stromov, V. Yu. (2008), "Types of criminal responsibility" ["Vidy ugolovnoi otvetstvennosti"], *Vestnik TGU*, No. 3, pp. 15-19.
4. Grishina, E.S. (2004), "Guilt as a basis for creation" ["Vina kak osnovanie dlya sozidaniya"], *Vologdinskije chteniya*, No. 43-1, pp. 21-24.
5. Howard, Zehr, Karnozova, L.M. (1998), *Restorative justice: a new look at crime and punishment. Trans. from Eng.* [*Vosstanovitel'noe pravosudie: novyi vzglyad na prestuplenie i nakazanie. Per. s angl.*], Sudebno-pravovaya reforma, Moscow, 350 p.
6. Montaigne, M. (2009), *Experiments. Complete edition in one volume. Trans. from French* [*Opyty. Polnoe izdanie v odnom tome. Per. s fr.*], AL"FA-KNIGA, Moscow, 1149 p.
7. Permyakov, Yu.E. (2010), "Punishment as an existential situation" ["Nakazanie kak ekzistentsial'naya situatsiya"], *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*, No. 1, pp. 71-82.
8. Savkin, A.V. (2003), "Social and legal significance of active repentance in the crime and its role in preventing crime" ["Sotsial'no-pravovoe znachenie deyatelnogo rasskazyaniya v prestuplenii i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti"], *Rossiiskii sledovatel'*, No. 10, pp. 20-26.

9. Sukharev, N.D. (2005), "Liberation from criminal responsibility and protective task of criminal law" ["Osvobozhdenie ot ugovnoyi otvetstvennosti i okhranitel'naya zadacha ugovnogo zakonodatel'stva"], *Rossiiskii sledovatel'*, No. 8, pp. 33-35.
10. Zabarchuk, E.L. (2008), "Deciding on the active repentance of the person brought to trial" ["Prinyatie resheniya o deyatel'nom raskayanii litsom, privlekaemym k ugovnoyi otvetstvennosti"], *Zhurnal rossiiskogo prava*, No. 8, pp. 42-48.
11. Zolotorev, A.V. (2007), "The meaning of criminal punishment in the light of the Christian faith" ["Smysl ugovnogo nakazaniya v svete khristianskogo veroucheniya"], *Yurist" – Pravoved"*, No. 3, pp. 111-116.